

Лифанов Н.А. О культурной принадлежности населения Средневолжской лесостепи раннехазарского времени

// Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Казань, 7-11 декабря 2009 г. Тезисы докладов. – Казань, 2009.

С.140

Введение в научный оборот во второй половине 1980х – 1990х гг. материалов ряда кочевнических могильников и отдельных погребений Самарского и Симбирского Поволжья показало значительную сложность процесса начального этапа тюркизации средневолжской лесостепи. Разнообразие погребальных обрядов проживавшего на территории региона в VIII – начале IX вв. кочевого населения стало объективной причиной для выделения особых «типов памятников»: «новинковского» (Матвеева, 1985; Васильев, Матвеева, 1986) и «курганов с земляными насыпями и ровиками» (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998).

В 1990 г. А.В.Богачевым был поставлен вопрос о перспективе выделения на основе этих типов особых археологических культур (Богачев, 1990), что через 10 лет было осуществлено Д.А.Сташенковым, предложившим рассматривать памятники Самарской Луки в рамках специфической «новинковской» культуры (Сташенков, 2001). Однако, данные идеи не получили ни развития в научной деятельности их авторов (обстоятельной аргументации так и не прозвучало), ни поддержки со стороны коллег: единственное обнаруженное упоминание о «новинковской культуре» имеется лишь в одной из статей К.А.Руденко (Руденко, 2008).

В сущности, разграничение выделенных «типов памятников» не выглядит радикальным. Так, признак «земляная насыпь» слишком широк для характеристики курганов какого-либо одного из них: включенный на его основании Р.С.Багаутдиновым, А.В.Богачевым и С.Э.Зубовым в состав «земляных курганов» Новинковский III могильник, Г.И.Матвеевой был все же отнесен к числу «новинковских» памятников. Вообще, на позднем этапе существования «новинковских» курганов каменные панцири над погребенными, как правило, разрезанные, а часть погребений вовсе не перекрыты ими.

И в «новинковских», и в «земляных» курганах фиксируется такой признак, как «кольцевой ровик». Захоронения обоих «типов» характеризуются одними и теми же ориентиров-

С.141

ками погребенных с той лишь разницей, что в первом «типе» численно преобладают В/СВ, а во втором – З/СЗ. Во всех без исключения могильниках рассматриваемого круга наблюдаются следы «обрядов обезвреживания погребенных».

Черты обрядов, зафиксированные в основных погребениях кк. 1 и 2 Шиловского могильника и к.1 Березовки (сложная форма могильной ямы, ориентировка погребенных на В/СВ, сопребение сбоку от погребенного с обратной ему ориентировкой останков коня), несмотря на наличие земляных насыпей и ровиков, сближают их, скорее, с «новинковскими» памятниками. Впрочем, последний из упомянутых признаков присутствует в захоронении с квадратным ровиком Урень II 4/2, а округлая в плане могильная яма в к.1 Брусян III находит аналогии как в к.3 Урень II, так и в к.2 Брусян IV.

Инвентарь погребений в «земляных» курганах (за исключением уникальных комплексов к.1 Шиловки и к.1 Брусян III) ничем не выделяется на фоне «новинковского», что и обусловило анализ его в едином комплексе (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998).

Фактически, единственными признаками, отличающими друг от друга памятники «новинковского типа» и «курганы с земляными насыпями и ровиками», остаются каменные панцири в первом из них, и квадратные формы ровиков во втором. Однако, привлечение более широких аналогий «сглаживает» и эти различия.

О близости средневожских «курганов с ровиками» к памятникам степного варианта салтово-маяцкой культуры упоминалось многократно. Основное внимание при этом обращалось на сам факт наличия подкурганных ровиков, весьма разнообразных конструктивно, и не свойственных абсолютно всем курганам рассматриваемого круга, как на Средней Волге, так и в степи. При этом кольцевые ровики (Новинки II), квадратные (Урень II, Старомайнский, Шиловка) (все – без перемычек), прямоугольный с перемычкой посередине торцевой стороны (Брусяны III) встречаются в степной зоне единично, а кольцевые с перемычками (Урень II, возможно – Абашево) и шестиугольные (Березовка I) ровики не зафиксированы, насколько известно, вообще.

Каменные панцири «новинковских» курганов не уникальны и встречаются среди степных памятников, как предсалтовского времени, на что уже указывалось Г.И.Матвеевой, так и собственно салтовских. Например, разрушенный усилиями местного населения панцирь зафиксирован в насыпи к.13 могильника Дорофеевский на юге Волгоградской обл., хорошо сохранившийся – в к.2 могильника Лиховский I на западе Ростовской обл. В последнем случае наблюдается сочетание панциря с ровиком квадратной формы с перемычками в углах.

Одни и те же конструкции могильных ям – простых и сложных (со ступеньками и подбоями¹) – характеризуют как средневожские, так и степные салтовские погребения. Различия состоят лишь в процентном соотношении ориентировок погребенных: В/СВ и С/СЗ направления, преобладающие в лесостепном Поволжье, на территориях донских степей не составляют значительного процента по сравнению с З/ЮЗ, встречающейся на Средней Волге до IX в. единично.

Обряд обезвреживания погребенных также отнюдь не выделяет средневожские погребения из массива синхронных памятников восточноевропейских степей, скорее наоборот, сближает их с салтовскими материалами как «курганов с ровиками» Волго-Донского междуречья, так и Нетайловского некрополя.

Относительно инвентаря «новинковских» захоронений можно лишь согласиться с мнением Г.И.Матвеевой о «почти полностью сложившемся салтово-маяцком вещевом комплексе» (Матвеева, 1997) и применить его также и к материалам «земляных» курганов.

Столь значительное сходство погребальных комплексов различных могильников Самаро-Симбирского Поволжья, на наш взгляд, позволяет рассматривать их совместно² и в тесной связи с материалами степного кочевнического варианта салтово-маяцкой общности. По сравнению с последним, они, несомненно, обладают определенным своеобразием, но все же недостаточным для «культуротворчества».

Примечания

¹ Катакомбу к.1 Шиловки можно рассматривать как усложненный вариант подбойной могилы.

² В этом отношении мнение Д.А.Сташенкова о происхождении населения, оставившего Кайбельский могильник, от «новинковского» выглядит вполне резонным.

Литература

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. – Самара, 1998.

С.142

Богачев А.В. Археологические культуры ранних болгар на Средней Волге (к постановке проблемы) // Вопросы этнической истории Волго-Донья и проблема буртасов (тезисы к межобластной научной конференции 23-27 января 1990 года). – Пенза, 1990.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. – Самара, 1986.

Матвеева Г.И. Итоги исследования памятников новинковского типа в Среднем Поволжье // Достижения советской археологии в XI пятилетке. Тезисы докладов. – Баку, 1985.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. – Самара, 1997.

Руденко К.А. Конские захоронения и культ коня в Среднем Поволжье и Предуралье во второй половине I – первой половине II тыс. н.э.: к постановке проблемы // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Сборник научных трудов. – Барнаул, 2008.

Сташенков Д.А. Половозрастная стратификация новинковского населения (по материалам украшений костюма) // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т.2. – Самара, 2001.